

ВСПОМНИТЬ ВСЕ

Леонид МЛЕЧИН

**КАК БРЕЖНЕВ
СМЕНИЛ ХРУЩЕВА**

**ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ
ДВОРЦОВОГО
ПЕРЕВОРОТА**

Вспомнить всё

Леонид Млечин

**Как Брежнев сменил
Хрущева. Тайная история
дворцового переворота**

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Млечин Л. М.

Как Брежнев сменил Хрущева. Тайная история дворцового переворота / Л. М. Млечин — ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2019 — (Вспомнить всё)

ISBN 978-5-6040606-8-1

Автор, известный телеведущий, описал в книге драматические события середины XX века – периода отстранения от власти Н.С. Хрущева. Читатели переносятся в 50–60-е годы прошлого века, открывают для себя новое в деятельности слуг народа, становятся очевидцами подковерной борьбы в высшем партийном руководстве того времени. Хрущева многие оценивают неоднозначно. Леонид Млечин показывает его как разностороннего политика и человека.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-6040606-8-1

© Млечин Л. М., 2019

© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2019

Содержание

От автора	5
Запоздалый звонок маршалу Жукову	8
Возвращение из Пицунды	10
Секретный доклад	15
«Хватит ли нам мужества?»	19
Грузинский мятеж	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Леонид Млечин

Как Брежнев сменил Хрущева. Тайная история дворцового переворота

От автора

Многих участников тех драматических событий, которые полвека назад изменили историю нашей страны, я знал. За годы знакомства у нас сложились доверительные отношения. Бывший первый секретарь Московского горкома партии, председатель КГБ, заместитель председателя Совета министров России, заведующий отделом ЦК КПСС, председатель Гостелерадио, начальник 4-го главного управления при Министерстве здравоохранения СССР... Ключевые фигуры острейшей борьбы за власть, которая осенью 1964 года развернулась в Кремле и закончилась сменой высшего руководства партии и государства, видные чиновники партийно-государственного аппарата, которые все видели и знали, говорили со мной охотно и откровенно.

Смена власти резко изменила их собственную судьбу, так что закулисные переговоры, интриги и тайные беседы того времени навсегда врезались им в память. Это не те тайны, которые уносят с собой в могилу. Напротив, им хотелось выговориться. Откровенность была рассчитанной и продуманной. В какой-то степени они надеялись на меня – речь шла об их месте в истории.

Книга, которую вы держите в руках, писалась много лет. По мере того как собирались свидетельства участников тех событий, рассекречивались документы, шло осмысление хрущевской эпохи.

Молодому читателю, наверное, непросто сейчас представить себе это время. Если описать его одним словом – Хрущев дал стране надежду. Общество пыталось отойти от сталинской заморозки, вернуться к нормальной жизни. Исчез страх, сковывавший страну, и она двинулась вперед. Оттепель – время бурного расцвета литературы, искусства, кинематографа, науки.

Большей частью соотечественники несправедливы к Никите Сергеевичу. Хрущев представляется сумасбродом, человеком неуравновешенным, неспособным справиться с эмоциями. Но это поверхностное впечатление. Его ближайшие помощники знали, что Хрущев держал себя в руках, а если демонстрировал ярость и гнев, то это был обдуманная жест.

Единоличную власть он рассматривал как инструмент улучшения жизни людей. Выпустил невинно осужденных из лагерей не ради славы, а потому, что считал: их посадили незаконно. Как только стал хозяином партии, взялся вытащить деревню из нищеты, в которую ее загнали при Сталине. Колхозная система, выжимание из деревни всех соков, уничтожение биологической науки привели к невероятному отставанию агропромышленного комплекса. В последние сталинские годы крестьян обложили непосильными налогами. Платить надо было не только поставками продовольствия, но и деньгами. А денег крестьяне не зарабатывали. За бесценок продавали все, что выращивали. Крестьяне бежали из колхозов. Работать было некому. Страна не могла прокормить себя.

Экономическая статистика свидетельствует: хрущевское десятилетие (1954–1964 годы) – лучшее в советской истории. Никита Сергеевич, человек энергичный и властный, выжал максимум из авторитарной системы, управляемой вручную. Но он же и продемонстрировал пределы роста: нет демократии, нет рыночной экономики – нет и перспективы у государства.

Главные герои этой книги – люди, которые многие годы управляли нашей страной.

На трибуне мавзолея лица членов высшего партийного руководства казались значительными, жесты – исполненными особого смысла. Многие сталинские соратники чуть-чуть не дожили до ста лет. Помимо природного здоровья от всех испытаний их спасали устойчивая нервная система и полная безжалостность. Ни самоубийство брата, ни ссылка жены, ни арест сына не могли ни нарушить их олимпийского спокойствия, ни поколебать готовности служить Сталину. Зачем геронтологи ездят на Кавказ и просят горцев поделиться секретами своего долголетия? Достаточно понять, как эти люди чуть-чуть не дотянули до ста. Работа без отдыха, ночные бдения, переменчивый нрав хозяина, низвержение с Олимпа – как они все переносили? Вероятно, спасали отсутствие совести, чести, сострадания к чужим несчастьям и чувство собственного достоинства...

Страдания людей не находили ни малейшего отклика у правящего класса. Крупные чиновники оторвались от реальной жизни и преспокойно обрекали сограждан на тяжкие испытания. Как показывает анализ поступавших к ним документов, они были прекрасно осведомлены о страданиях людей. Но не найден ни один документ, в котором хозяева страны сожалели бы о смерти миллионов сограждан. Начисто отсутствовали простые, человеческие чувства. В этом смысле Хрущев, искренний и живой, сильно отличался от соратников.

Он чувствовал, что монополия на власть губит страну. Молодежь растет, а должности все заняты. Приходится ждать, когда кто-нибудь из старшего поколения освободит кресло в силу естественных причин. Но на серьезные политические реформы Хрущев не решился. Не мог представить себе реальную демократизацию, рыночную экономику или свободу слова. И для его окружения – людей необразованных и ограниченных, не представляющих себе жизни за железным занавесом, все это было анафемой.

Тоталитарная система создавала дефицит всего, в том числе лидеров. Образовалась своего рода каста, попасть в которую было так же сложно, как и удержаться в ней. Правящий класс формировался из своих. Партийная карьера гарантировала то, что оставалось недоступным для остальных. Вот стихи из сатирического журнала той эпохи, когда начиналась карьера героев этой книги:

*Партбилетик, партбилетик,
Оставайся с нами.
Ты добудешь нам конфет,
Чая с сухарями.
Словно раки на мели
Без тебя мы будем.
Без билета мы нули,
А с билетом люди.*

В учетной карточке одного из руководителей страны в графе «Образование» было написано: «Не учился, но пишет и читает». Отсутствие образования (даже в школу не ходил!) не мешало успешной карьере. Армия не шибко грамотных и бескультурных чиновников определяла политический и экономический курс страны. Более всего они сопротивлялись дискуссиям, реальной критике, вообще любому вольнодумству.

Амбициозные и тщеславные чиновники обладали неограниченной властью над людьми, давно уже немислимой в других обществах. Уверенность в своем величии подкреплялась

системой распределения благ в Советском Союзе, доступных только тем, кто занимал высокий пост. Система была ориентирована на максимально комфортное устройство собственной жизни, извлечение благ из своей должности.

Железный занавес – запреты на поездки за границу, иностранные газеты, книги и фильмы – нужен был для сохранения власти. Себе, своим детям и родственникам высшие чиновники разрешали все. И это придавало дополнительную сладость принадлежности к высшему кругу избранных: нам можно, а вам нельзя.

Нашедшие себя в системе не испытывали никакого разлада со своей совестью. Необходимость по долгу службы произносить ритуальные речи о коммунизме усиливала привычку к двоемыслию и воспитывала безграничный цинизм.

Элита жила в мире интриг, коварства, вражды, подсиживания. В системе власти все друг друга ненавидели и объединялись против удачливого соратника. Никита Сергеевич Хрущев старательно убирал тех, кто казался опасным. Но в борьбе за власть ни одна самая громкая и убедительная победа не может считаться окончательной...

Хорошо помню, что свержение Хрущева не вызвало недовольства в стране. Люди устали от его новаций, часто нелепых, жаждали покоя, порядка, стабильности и улучшения жизни. А дождались застоя, который закончился развалом страны.

«Что ж Хрущев? – писал знаменитый режиссер Михаил Ромм. – Что-то было в нем очень человеческое и даже приятное. Но вот в качестве хозяина страны он был, пожалуй, чересчур широк. Эдак, пожалуй, ведь и разорить целую Россию можно. В какой-то момент отказали у него все тормоза, все решительно. Такая у него свобода наступила, такое отсутствие каких бы то ни было стеснений, что, очевидно, это состояние стало опасным – опасным для всего человечества».

Речь, конечно же, пойдет не только о Хрущеве, но и о сменившем его в октябре 1964 года Брежневе. И в этой книге приведены прежде неизвестные материалы о нем.

Личный архив генерального секретаря ЦК КПСС, председателя президиума Верховного совета СССР, председателя Совета обороны маршала Советского Союза Леонида Ильича Брежнева, начиная с документов времен его юности, собственноручных записок и прекрасно сохранившихся любительских фотографий, а также бумаги его жены Виктории Петровны, скажем, ее кулинарные рецепты и даже любовные письма дочери, Галины Леонидовны, все это оказалось на помойке. В прямом смысле.

Выбрасывали, как я догадываюсь, не по политическим соображениям, не демонстрируя разрыв с опостылевшим прошлым, а по самым прозаическим мотивам. Если коротко говорить, в результате трагедии, постигшей женскую ветвь брежневского семейства. И лишь случайно очень хорошие люди архив спасли – хотя, вероятно, не полностью. Подобрали на помойке, не дав погибнуть в куче мусора, отправляемого на переработку, и передали мне пирамиды набитых под завязку картонных папок, которыми теперь уже и не пользуются.

Настало время предать гласности все эти материалы. Ценность их состоит в том, что они позволяют понять, почему именно Брежнев сменил Хрущева, стал во главе нашей страны и руководил Советским Союзом до самой смерти, а также дают ключ к пониманию того, что впоследствии происходило с нашим государством. И в сущности даже объясняют, отчего в конце концов собственный архив генерального секретаря оказался выброшенным на помойку...

Но начнем с решающих событий осени 1964-го, когда решалась судьба Советского государства. Как развивались тогда невероятно драматические по накалу эмоций события, которые привели к смене хозяина Кремля? Как удалось Леониду Ильичу Брежневу сместить Никиту Сергеевича Хрущева, который отнюдь не собирался отдавать власть и уходить на покой?

Запоздалый звонок маршалу Жукову

Похоже, в последний момент Никита Сергеевич Хрущев все-таки что-то заподозрил. Он от природы был наделен хорошо развитым политическим инстинктом. Иначе бы не выжил в этой подковерной борьбе. Возможно, именно этим объясняется его неожиданный звонок маршалу Георгию Константиновичу Жукову.

Семь лет они не разговаривали!

В октябре 1957 года Хрущев ловко убрал Жукова с поста министра обороны. Георгий Константинович заботился об армии, не уважал политработников и противопоставил себя партийному аппарату. Маршала обвинили в том, что он пренебрегает Центральным комитетом, самовольно сократил политорганы в вооруженных силах, груб, жесток и тайно готовит спецназ с целью совершить военный переворот. Жукова после оскорбительной и унижительной проработки сняли с должности министра и вывели из состава президиума ЦК.

В реальности Хрущев не желал держать рядом популярного, решительного и амбициозного военачальника. Его пугали жесткий характер, самостоятельность и властность Жукова. А ну как маршал с его всенародной славой захочет сам возглавить государство?

После отставки с поста министра обороны Георгию Константиновичу обещали дать какую-нибудь работу. Жуков рассчитывал, что ему позволят перейти в академию Генерального штаба. А его отправили на пенсию, хотя у маршалов пенсии не бывает. Даже не включили в группу генеральных инспекторов Министерства обороны, куда он, как маршал, автоматически попадал... Он жил на даче, подаренной ему после битвы под Москвой. Его никуда не приглашали. Из книг о войне его имя вычеркивали.

Хрущев распорядился установить оперативное наблюдение за маршалом. О настроениях и разговорах маршала председатель Комитета госбезопасности докладывал лично первому секретарю ЦК КПСС.

В 1959 году умер Герой Советского Союза генерал-лейтенант Владимир Викторович Крюков, бывший командир кавалерийского корпуса. Он был очень близок к Георгию Константиновичу. Крюкова посадили осенью 1948 года во время первой, еще при Сталине, опалы Жукова. Обвиняли Крюкова в участии в заговоре, во главе которого стоял маршал Жуков. Генерала избивали до потери сознания, требуя, чтобы он дал показания об антигосударственной деятельности Жукова.

Приговорили к двадцати пяти годам. Вслед за ним отправили в лагерь и его жену Лидию Андреевну Русланову, замечательную исполнительницу русских народных песен. После смерти Сталина Жуков добился освобождения Крюкова и Руслановой.

Когда Крюков умер, на поминки пришли маршалы Жуков и Буденный. Присутствовавшие там осведомители составили донесение. После чего КГБ отправил в ЦК КПСС записку о «нездоровых, политически вредных разговорах», которые вел на поминках Жуков:

«В процессе беседы среди присутствующих был поднят вопрос и о принятом постановлении Совета министров Союза ССР № 876 от 27 июля 1959 года о пенсиях военнослужащим и их семьям.

Тов. Жуков по этому вопросу заявил, что, если он был бы министром обороны, он не допустил бы принятия правительством нового постановления о пенсиях военнослужащим и их семьям. Далее он сказал, что тов. Малиновский предоставил свободу действий генералу армии Голикову, а последний разваливает армию.

«В газете «Красная звезда», – продолжал Жуков, – изо дня в день помещают статьи с призывами поднимать и укреплять авторитет политработников и критиковать командиров. В результате такой политики армия будет разложена».

Высказывания Жукова по этому вопросу были поддержаны тов. Буденным».

Записку Комитета госбезопасности разбирали на заседании президиума ЦК. Создали комиссию, она побеседовала с обоими маршалами – Буденным и Жуковым. Семен Михайлович сразу же от всего отрекся. Сказал, что ничего плохого не говорил и не слышал. Он комиссию не интересовал и был быстро отпущен. Комиссия вцепилась в Жукова.

Георгия Константиновича «воспитывали». Иначе говоря, угрожали, требуя, чтобы он держал язык за зубами. Выдающийся полководец в очередной раз вынужден был оправдываться и каяться.

На даче маршала Жукова установили аппаратуру прослушивания, записывались даже его разговоры с женой в спальне. Он был лишен всех постов, исключен из политической жизни, а КГБ все держал маршала под постоянным контролем. Жукова боялись в Кремле да еще и завидовали его славе и всенародной любви...

27 мая 1963 года в президиум ЦК поступила новая записка Комитета госбезопасности. Председатель КГБ информировал руководителей страны о настроениях маршала Жукова, который позволил себе не слишком благожелательно отозваться о руководителях государства, недавних соратниках по руководству вооруженными силами и чекистах.

Хрущев поручил второму человеку в партии – Леониду Ильичу Брежневу вместе с руководителями Комитета партийного контроля вызвать Жукова и строго предупредить.

– Если не поймет, – грозно добавил первый секретарь ЦК, – исключить из партии и арестовать.

А год спустя, летом 1964 года, Никита Сергеевич Хрущев как ни в чем не бывало вдруг сам позвонил Георгию Константиновичу. Примирительно сказал:

– Тебя оговорили. Нам надо встретиться.

Фактически извинился перед маршалом за то, что отправил его в отставку:

– Знаешь, мне тогда трудно было разобраться, что у тебя в голове. Но ко мне приходили и говорили: «Жуков – опасный человек, он игнорирует тебя, в любой момент он может сделать все, что захочет. Слишком велик его авторитет в армии».

Жуков укорил Никиту Сергеевича:

– Как же можно было решать судьбу человека на основании таких домыслов?

Хрущев даже не стал оправдываться. Сказал:

– Сейчас я крепко занят. Вернусь с отдыха – встретимся и по-дружески поговорим.

Помощник первого секретаря ЦК записал распоряжение Хрущева: после отпуска в Пицунде запланировать встречу с маршалом.

Что это означало?

Никита Сергеевич, чувствуя, что теряет поддержку в стране, решил опереться на национального героя. Судя по всему, хотел вернуть маршала в политику, а точнее, призвать его себе на помощь. Если бы Жуков осенью 1964 года был министром обороны, противники Хрущева не могли бы рассчитывать на помощь армии. Маршал, что бы про него ни говорили, своих принципиальных убеждений не менял.

Но увидеться им было не суждено.

Из отпуска Хрущев вернулся раньше, чем предполагал. И он уже никого не мог ни назначить на высокую должность, ни снять с нее.

Возвращение из Пицунды

13 октября 1964 года первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета министров СССР Никита Сергеевич Хрущев прилетел в Москву из Пицунды, где отдыхал. В правительственном аэропорту Внуково-2 его встречал один только председатель КГБ Владимир Ефимович Семичастный.

Спустившись по трапу, Хрущев хмуро спросил Семичастного:

– Где остальные?

– В Кремле.

Никита Сергеевич уточнил:

– Они уже обедали?

– Нет, кажется, вас ждут.

Хрущев не догадывался, что Семичастный приехал в аэропорт не только по долгу службы. Товарищи по партийному руководству, которые решили отстранить Хрущева от власти, поручили председателю КГБ важную миссию: заменить личную охрану первого секретаря ЦК и вообще проследить, чтобы темпераментный Никита Сергеевич не предпринял каких-то неожиданных действий.

Не всякий решился бы в тот момент оказаться один на один с Хрущевым. Никита Сергеевич все еще оставался хозяином страны, и его боялись. Семичастный много лет спустя рассказывал, что Брежнев даже предлагал физически устранить Хрущева – не верил, что им удастся заставить его уйти в отставку. Не хочется подвергать сомнению слова Владимира Ефимовича, но люди, знавшие Леонида Ильича, сильно сомневались, что он мог такое сказать – не в его характере.

По другим рассказам, в какой-то момент у Брежнева сдали нервы, он расплакался и с ужасом повторял:

– Никита нас всех убьет.

А вот Семичастный Хрущева не боялся. Чего-чего, а воли, решительности и властности у Владимира Ефимовича было хоть отбавляй.

Генерал-лейтенант Николай Александрович Брусницын, в те годы заместитель начальника управления правительственной связи КГБ, вспоминал, как накануне октябрьских событий его вызвал Семичастный.

Хрущев еще отдыхал в Пицунде. Председатель КГБ властно сказал, что ему нужно знать, кто и зачем звонит Хрущеву.

– Владимир Ефимович, – твердо ответил Брусницын, – этого не только я, но и вы не имеете права знать.

Семичастный тут же набрал номер Брежнева:

– Леонид Ильич, начальник правительственной связи говорит, что это невозможно.

Выслушав Брежнева, Семичастный задал новый вопрос:

– А что можно?

– Что конкретно надо? – уточнил Брусницын.

– Надо знать, кто названивает Хрущеву.

– Это можно, – согласился Брусницын, – положено иметь такую информацию на спецкоммутаторе.

– Хорошо. Каждый час докладывайте, кто звонил.

На государственную дачу в Пицунде линия правительственной междугородней ВЧ-связи шла через Тбилиси. Ее отключили, сославшись на повреждение аппаратуры. Хрущева соединяли через спецкоммутатор Москвы, так что председателю КГБ немедленно докладывали о всех телефонных переговорах Никиты Сергеевича.

Семичастный приказал управлению военной контрразведки и в первую очередь особистам Московского военного округа незамедлительно информировать его даже о незначительных передвижениях войск. Три дня, пока снимали Хрущева, личный состав некоторых оперативных подразделений Комитета госбезопасности, в первую очередь хорошо подготовленных офицеров 9-го управления (охрана руководителей партии и правительства), держали на казарменном положении в полной боевой готовности.

Генерал Виктор Иванович Алидин, в ту пору начальник 7-го управления КГБ (наружная разведка – слежка и наблюдение за подозреваемыми), вспоминал, что с начала 1964 года среди части руководящего состава госбезопасности ходили неясные разговоры о возможной замене Хрущева. В июле с Алидиным доверительно беседовал один из руководителей комитета. Сказал, что идет подготовка к смещению Хрущева, а его место займет секретарь ЦК и бывший председатель КГБ Александр Николаевич Шелепин.

В конце июля генерал Алидин уезжал в отпуск. Перед отъездом Семичастный ему сказал: – Отдыхайте, пожалуйста, но к 15 августа возвращайтесь в Москву. Вы будете очень нужны.

Ни о чем пока не подозревавший Хрущев из аэропорта сразу приехал в Кремль и прошел в свой кабинет. В половине четвертого дня началось заседание президиума ЦК. Хрущев, недовольный, что ему сорвали отдых, поздоровался **И** спросил:

– Ну, что случилось?

Сел в председательское кресло и повторил:

– Кто будет говорить? В чем суть вопроса?

Он еще ощущал себя хозяином. Не подозревал, что его политическая карьера уже закончилась и впереди только пенсия, тоска и забвение.

Заседание президиума ЦК КПСС, на котором решилась судьба Никиты Сергеевича, прошло накануне, 12 октября 1964 года. Присутствовали все, кто работал в Москве. Отсутствовали члены президиума от национальных республик – их еще не вызвали с мест.

И не было самого Хрущева – он наслаждался хорошей погодой в Пицунде вместе со своим первым заместителем в правительстве Анастасом Ивановичем Микояном. Никита Сергеевич выдвигал молодежь и руководство формировал из людей младше себя по возрасту, но в личном общении комфортнее всего чувствовал себя с Микояном. Они не только были практически ровесниками, их связывали многие годы работы еще при Сталине.

12 октября в отсутствие первого секретаря ЦК КПСС председательское кресло занял Леонид Ильич Брежнев. Когда Хрущев покидал Москву, по его поручению Брежнев руководил всем партийным хозяйством. Он сам только что вернулся из Берлина – ездил во главе официальной делегации поздравлять восточных немцев с пятнадцатилетием Германской Демократической Республики.

По словам очевидцев, Брежнев сильно волновался. Да и вообще в зале ощущались нервозность и, пожалуй, страх. Заседание нельзя было назвать обычным. Члены президиума ЦК собрались, чтобы осуществить давний замысел – избавиться от Хрущева.

Бесконечные закулисные переговоры шли многие месяцы. Но 12 октября они собрались не таясь, официально. Заведующий общим отделом ЦК Владимир Никифорович Малин, как обычно, на небольших карточках записывал главные тезисы выступлений. Пожалуй, именно присутствие Малина более всего свидетельствовало о том, что дни Хрущева сочтены. Владимир Никифорович десять лет заведовал общим отделом и считался его доверенным помощником.

– Я как Поскребышев при Сталине, – с гордостью говорил Малин сам о себе, сравнивая себя с бессменным помощником вождя.

Если уж он преспокойно сел рядом с теми, кто собирался отправить Хрущева в отставку, это означало, что Никита Сергеевич ни на чью поддержку рассчитывать не мог.

Что обсуждали на заседании президиума?

Под каким предлогом пригласить Хрущева в Москву, чтобы он ни о чем не догадался и не предпринял контрмер. Это первое. А второе – прикидывали, как повести разговор с Хрущевым, кто в какой последовательности будет выступать и что именно скажет.

Высказывались Брежнев и другие влиятельные в партийном руководстве фигуры – секретари ЦК Николай Викторович Подгорный, Андрей Павлович Кириленко и Александр Николаевич Шелепин.

Шелепин не был еще членом президиума ЦК, но его положение в иерархии власти и роль в подготовке свержения Хрущева были таковы, что к этому сравнительно молодому человеку прислушивались с особым вниманием.

Решили, что почти сразу же надо предоставить слово первому секретарю ЦК Компартии Украины Петру Ефимовичу Шелесту, что станет важным сигналом: Киев критикует Хрущева. А ведь именно украинская парторганизация считалась главной опорой Никиты Сергеевича. Среди киевских руководителей было много людей, им самим назначенных. Да и Шелест считался хрущевским человеком. Он даже внешне – приземистой фигурой, округлым грубоватым лицом и совершенно лысым черепом – напоминал Никиту Сергеевича...

Вызвать Хрущева в Москву решили подтем предлогом, что накопилось много вопросов по его последней записке о реорганизации сельского хозяйства, разосланной не только всем членам президиума ЦК, но руководителям краев и областей.

Тут же возник вопрос: а кому звонить в Пицунду? Тоже испытание не из простых. Разговаривать с Хрущевым было страшновато. Никита Сергеевич с членами президиума не церемонился, запросто мог послать по матушке.

Во время поездки Брежнева в Берлин на партийном хозяйстве оставался Подгорный, напористый и бесцеремонный человек, выдвигенец Хрущева, недавний руководитель Украины. Но Николай Викторович наотрез отказался – он только что подробно докладывал о текущих делах первому секретарю и Никита Сергеевич удивится: почему накануне не сказал, что у вас еще какие-то вопросы ко мне возникли? Не дай бог, что-то заподозрит.

Сошлись, что звонить придется Брежневу. А кому еще? Он же остался за старшего. Около девяти вечера телефонистка коммутатора междугородней правительственной ВЧ-связи соединила его с государственной дачей в Пицунде. Хрущев взял трубку. Леонид Ильич, по описанию Шелеста, сильно волновался. Побледнел, губы посинели, говорил с дрожью в голосе.

Выслушав его, Хрущев раздраженно сказал:

– Что у вас случилось? Не можете и дня обойтись без меня. Хорошо, я подумаю. Здесь Микоян, с ним посоветуюсь. Позвоните позже.

Этот час члены президиума ЦК, и без того взвинченные до предела, провели в подвешенном состоянии. От Хрущева, который на протяжении десяти лет умело расставался со всеми соперниками и конкурентами, всего можно было ожидать.

Через час Брежнев снял трубку телефона и вновь распорядился соединить его с Хрущевым. Никита Сергеевич ответил с нескрываемым недовольством:

– Хорошо, я завтра в одиннадцать утра вылетаю в Москву вместе с Анастасом Ивановичем.

В тот день члены президиума, обсудив план операции, составили для порядка постановление, которое кажется невнятным и неясным. На самом деле оно имело вполне определенный и грозный для Хрущева смысл:

«1. В связи с поступающими в ЦК КПСС запросами о возникших неясностях принципиального характера по вопросам, намеченным к обсуждению на пленуме ЦК КПСС в ноябре с.г., и в разработках нового пятилетнего плана признать неотложным и необходимым обсудить их на ближайшем заседании президиума ЦК КПСС с участием т. Хрущева.

Поручить тт. Брежневу, Косыгину, Сулову и Подгорному связаться с т. Хрущевым по телефону и передать ему настоящее решение с тем, чтобы заседание президиума ЦК провести 13 октября 1964 г.

2. Ввиду многих неясностей, возникающих на местах по записке т. Хрущева от 18 июля 1964 г. (№ П 1130) «О руководстве сельским хозяйством в связи с переходом на путь интенсификации», разосланной в партийные организации, и содержащихся в ней путаных установок отозвать указанную записку из парторганизаций.

3. Учитывая важное значение характера возникших вопросов и предстоящего их обсуждения, считать целесообразным вызвать в Москву членов ЦК КПСС, кандидатов в члены ЦК КПСС и членов Центральной ревизионной комиссии КПСС для доклада пленуму итогов обсуждения вопросов на президиуме ЦК КПСС.

Вопрос о времени проведения пленума ЦК КПСС решить в присутствии т. Хрущева».

Записку первого секретаря ЦК, к которой в аппарате должны были относиться благоговейно, как к Библии, назвали «путаной»! Отозвав записку, президиум ЦК демонстрировал партийному аппарату на местах, что Хрущев больше не хозяин.

Тремя месяцами ранее, 11 июля, на пленуме ЦК Хрущев изложил новую идею, которую потом представил в форме развернутой записки. Он предложил коренным образом реорганизовать управление прозябающим сельским хозяйством – под каждую отдельную отрасль создать собственное ведомство. Один главк занимался бы зерном, другой – мясом, третий – пушниной.

Хрущев вслед за Сталиным полагал, что экономические проблемы решаются организационно-кадровыми методами: есть задача – создай ведомство. Но членов президиума ЦК напугало другое.

В последние месяцы Хрущев, похоже, сознавал, что придется менять политические механизмы. Чтобы колхозами перестали командовать, ликвидировал сельские райкомы, низвел партийный аппарат на селе до второразрядной роли парткомов производственных управлений. В предложенной им в 1964 году новой системе руководства аграрным комплексом партийным органам вообще не оставалось места.

Николай Митрофанович Луньков, который был послом в Норвегии, вспоминает визит Хрущева в Осло. Во время прогулки Хрущев, его зять главный редактор «Известий» Аджубей и главный редактор «Правды» Сатюковушли вперед. Министр иностранных дел Громыко посоветовал послу:

– Вы поровняйтесь с Никитой Сергеевичем и побудьте рядом на случай, если возникнут какие-либо чисто норвежские вопросы.

В тот момент, когда Луньков приблизился, Хрущев оживленно говорил входившим в его ближний круг Аджубею и Сатюкову:

– Слушайте, как вы думаете, что, если у нас создать две партии – рабочую и крестьянскую?

При этом он оглянулся и выразительно посмотрел на Лунькова. Посол понял, что надо отойти. Присоединился к министру иностранных дел и на ухо пересказал Громыко услышанное. Министр осторожно заметил:

– Да, это интересно. Но об этом никому не говори.

Как могли профессиональные партсекретари допустить слом системы?

О том, что членов ЦК вызывают в Москву, Никиту Сергеевича, разумеется, не оповестили. Иначе бы он сразу понял, что происходит. Летом 1957 года, когда его пытались снять «старая гвардия» – Молотов, Маленков, Булганин – он сам распорядился собрать членов ЦК. Когда они прилетали в Москву, доверенные люди Хрущева вводили их в курс дела, объясняли, какова расстановка сил и кого надо поддержать. Никита Сергеевич часто и с видимым удовольствием рассказывал, как он выиграл ту битву. Теперь его опытом воспользовались другие.

Перечисление четырех фамилий – Брежнев, Косыгин, Сулов, Подгорный – в постановлении свидетельствовало о том, кто именно управляет событиями. Фамилия Брежнева стояла первой, следовательно, ему и отводилась главная роль.

Это постановление отрезало мятежным членам президиума дорогу назад. Теперь уже никто из них не мог покаяться перед Хрущевым и, оправдываясь, объяснить, что в его отсутствие они на заседании президиума «просто поговорили». Они должны были идти до конца. Или они, или Хрущев. Но почему они решили избавиться от Никиты Сергеевича?

История о том, как Хрущев, который пришел к руководству страной под аплодисменты секретарского корпуса, утратил поддержку и расположение партийно-государственной элиты страны, долгая и запутанная.

Секретный доклад

Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев произнес свой знаменитый доклад о сталинских преступлениях на закрытом заседании XX съезда партии 25 февраля 1956 года. Но еще три с лишним десятилетия доклад оставался секретным. Его запрещалось цитировать, на него нельзя было ссылаться. Он словно не существовал. Тридцать с лишним лет делали вид, будто хрущевского выступления не существовало.

Мой отец (формально отчим, но он так много сделал для меня, что это слово не подходит) Виталий Александрович Сырокомский в перестроечные годы был заместителем главного редактора «Известий» и одновременно главным редактором еженедельника «Неделя».

В 1989 году (через 33 года после XX съезда!) он решил полностью перепечатать в «Неделе» доклад Хрущева. На другой день после выхода номера отца пригласили в ЦК на совещание главных редакторов. Встретил помощника Горбачева по идеологии академика Ивана Тимофеевича Фролова. Отношения у них с давних пор были хорошие, так Сырокомскому, во всяком случае, казалось. На этот раз тот был мрачнее тучи:

– Кто тебе разрешил печатать доклад Хрущева? Разве было решение политбюро?

Видимо, Фролов и поднял шум. Через день Сырокомского вызвал главный редактор «Известий» Иван Дмитриевич Лаптев:

– Кто вам разрешил дать доклад Хрущева? – грозно спросил он.

Сейчас даже трудно понять всю абсурдность этого вопроса. Газета напечатала доклад, давно известный всему миру.

– Так, вам уже шестьдесят, – констатировал Лаптев. – Пишите заявление об уходе на пенсию.

– За что?

– За то. А если не напишете, то я уволю вас своей властью, и никакой суд не станет рассматривать ваше дело.

Сырокомский, который в жизни таких угроз не слышал, вспылал:

– Дайте лист бумаги.

И тут же написал заявление. Вернулся в свой кабинет. Ему позвонил другой помощник Горбачева – Георгий Хосроевич Шахназаров. Выслушал всю историю и разозлился:

– Лаптев не имеет никакого права снимать тебя с работы за публикацию хрущевского доклада. Пиши короткое письмо генеральному, объясни все толком, фельдъегеря я сейчас пришлю. А Лаптеву отнеси второе заявление, откажись от первого...

Сырокомский так и сделал. Лицо Лаптева хранило злорадное выражение:

– Первому заявлению я уже дал ход, а второе сохраню на память.

Примерно через месяц Лаптев ехидно сказал во время обеда:

– Поздравляю, Виталий Александрович. Пришло решение комиссии по персональным пенсиям. Вам установлена персональная пенсия союзного значения.

Но Сырокомский продолжал работать, потому что сам Лаптев ушел из «Известий» – его сделали председателем Совета Союза Верховного совета СССР.

Что же это за странная история с выступлением Хрущева?

После XX съезда его доклад был опубликован только за границей.

О том, как секретный доклад попал на Запад, ходят легенды. Историки уверены, что это дело рук иностранных разведок. Руководитель Федеральной разведывательной службы (ФРГ) бывший генерал-лейтенант Рейнхард Гелен, который занимался шпионажем против Советского Союза еще в годы службы в вермахте, уверял, что это его люди вывезли из Москвы секретный доклад.

Другие считают, что копию доклада раздобыл руководитель израильской политической разведки Моссад знаменитый Иссер Харель. У него в Москве будто бы был глубоко законспирированный агент, которого и берегли на крайний случай.

«Как агенту Моссада, – восхищенно пишут историки, – удалось выполнить это задание, опередив своих коллег из других разведок, до сих пор остается тайной. Причем строго хранимой. После того как была установлена подлинность доклада Хрущева, директор Моссада вылетел в Вашингтон. Цену за документ он запросил немалую: официальное соглашение об обмене информацией с американской разведкой. Директор ЦРУ Ален Даллес согласился без возражений. И с этого дня все агенты ЦРУ на Ближнем Востоке стали работать еще и на Моссад».

Все это байки. Западногерманская и израильская разведки не имели в Москве ни агентуры, ни доступа к секретным документам. Полный текст секретного доклада ушел на Запад через социалистическую Польшу.

Сразу после XX съезда в ЦК КПСС составили список находившихся в Москве руководителей братских компартий, которых ознакомили с докладом Хрущева. Узнав о его секретном выступлении, руководители других компартий тоже попросили поставить их в известность, и через советские посольства они все получили копии доклада.

Бывший сотрудник Польского агентства печати Виктор Граевский уверен, что это он передал на Запад хрущевский доклад. Его подруга в Варшаве работала в аппарате первого секретаря ЦК Польской объединенной рабочей партии Эдварда Охаба. У нее на столе он увидел текст доклада и попросил почитать. Перевернув последнюю страницу, он был потрясен прочитанным. Отнес доклад в израильское посольство в Варшаве знакомому дипломату. Виктор Граевский считал, что мир должен узнать сказанное Хрущевым, поскольку его слова полностью меняют представление о том, что происходит в Советском Союзе.

Сотрудник посольства, к которому обратился Граевский, был представителем не разведки, а службы безопасности Шин-Бет. Он снял копию с доклада и переслал ее своему начальству. А вот премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион распорядился передать текст американцам. Они же должны понимать, какие перемены идут в Москве... Вот так доклад Хрущева попал в руки директора ЦРУ Алена Даллеса. Ему и достались лавры суперразведчика, раздобывшего такой важный документ. И мало кто знал, что его заслуга невелика.

Текст перевели на английский язык. С ним познакомился брат Алена Даллеса – государственный секретарь Соединенных Штатов Джон Фостер Даллес. Он принял решение предать гласности секретный доклад Хрущева. 4 июня 1956 года он был опубликован. Возникла нелепая ситуация. Соединенные Штаты обнародовали выступление руководителя Советского Союза, а тот всячески от него открещивался.

С английского текста сделали обратный перевод для русской эмиграции. 13 ноября 1956 года заместитель председателя Комитета госбезопасности генерал Петр Иванович Ивашутин доложил в ЦК:

«Действующая в ФРГ антисоветская эмигрантская организация, так называемый Союз борьбы за освобождение народов России, издала и распространяет среди перемещенных советских граждан брошюру под названием «Речь Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС». Брошюра представляет собой перевод с английского на русский язык документа, опубликованного госдепартаментом США. При сличении доклада товарища Хрущева Н.С. с этой брошюрой установлено, что тексты их тождественны».

Иначе говоря, сомнений в точности текста не существовало. Но советские руководители делали вид, что это фальшивка.

«Официально мы существование доклада не подтверждали, – вспоминал Никита Хрущев. – Помню, как меня спросили тогда журналисты, что, мол, вы можете сказать по этому поводу? Я ответил им, что такого документа не знаю и пусть на этот вопрос отвечает разведка Соединенных Штатов, господин Ален Даллес».

На самом деле иностранные дипломаты, работавшие в Москве, познакомились с содержанием секретного хрущевского доклада раньше, чем директор ЦРУ Ален Даллес!

Первыми, разумеется, все узнали корреспонденты коммунистических газет. Они поделились новостью с дипломатами. Но точную информацию получили и другие иностранные корреспонденты в Москве. Причем они не приложили для этого никаких усилий. О докладе Хрущева им по собственной инициативе рассказывали люди, очевидно связанные с советской госбезопасностью, – домашняя прислуга и водители.

Корреспонденту агентства «Рейтер» основные положения доклада пересказал человек, который называл себя Костей Орловым. Британский журналист не сомневался, что мнимый Костя – агент КГБ. Кто еще в те времена мог беспрепятственно встречаться с иностранным журналистом и свободно рассуждать на опасные политические темы?

Первой о докладе рассказала «Нью-Йорк таймс». Статью написал известный журналист Гаррисон Солсбери, который работал в Москве в сталинские времена и понимал советскую жизнь. Он, правда, сообщил лишь о самом факте антисталинской речи Хрущева. А на следующий день агентство «Рейтер» распространило достаточно точный пересказ доклада первого секретаря ЦК КПСС. Для отвода глаз в «Рейтер» сослались на неких западногерманских коммунистов. В Лондоне не понимали, что меры предосторожности излишни. Утечка информации была сознательной.

Советское руководство хотело, чтобы Запад имел представление о том, что именно обсуждалось на закрытом заседании XX съезда. Даже во время холодной войны определенное партнерство было необходимо. Тем более что в Москве взяли курс на улучшение отношений с внешним миром.

Сотрудники госбезопасности вели игру с корреспондентом агентства «Рейтер» с дальним прицелом. После публикации секретного доклада к нему зачастили люди, которых он считал агентами КГБ. Надо понимать, с ним хотели работать на постоянной основе. Превратить корреспондента агентства «Рейтер» в канал влияния, транслировать через него ту информацию, с которой Москва желала знакомить Запад. В таком случае журналист превратился бы в самого осведомленного в кремлевских секретах человека.

Но британский журналист не польстился на заманчивое предложение. Через несколько месяцев попросил свое начальство от греха подальше забрать его домой.

В Советском Союзе секретным хрущевский доклад оставался только в том смысле, что его текст не публиковался в открытой печати. А с его содержанием в стране познакомили многие миллионы людей. Через неделю после съезда, 5 марта 1956 года, было принято постановление президиума ЦК КПСС:

«1. Предложить обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик ознакомить с докладом тов. Хрущева Н.С. «О культе личности и его последствиях на XX съезде КПСС всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников.

2. Доклад тов. Хрущева разослать партийным организациям с грифом «не для печати», сняв с брошюры гриф «строго секретно».

Доклад отпечатали в десятках тысяч экземпляров. Его зачитывали в партийных организациях и на собраниях трудовых коллективов по всей стране. Но сам текст берегли как государственную тайну.

31 марта 1956 года председатель КГБ Иван Александрович Серов информировал ЦК:

«Докладываю, что, по сообщению Управления КГБ Пензенской области, 23 марта сего года в Пачелмском райкоме КПСС утерян экземпляр № 34322 доклада товарища Хрущева Н.С. «О культе личности и его последствиях».

Принятые меры розыска положительных результатов пока не дали».

Расследование по указанию Москвы проводили работник Пензенского обкома партии и два сотрудника госбезопасности. Выяснилось, что заместитель председателя райисполкома

Фролов поехал информировать коммунистов Шейнского сельсовета и там потерял свой экземпляр. Как это произошло, вспомнить он так и не смог. Видимо, районного начальника встречали как положено, он расслабился и где-то оставил драгоценную книжицу. Фролова исключили из партии и сняли с работы.

Этот эпизод показывает: не только узнать, что именно говорил Хрущев на закрытом заседании съезда, но и подержать в руках сам доклад было не так уж сложно. Но зачем было сохранять всю эту нелепую таинственность вокруг доклада на съезде? Она породила множество мифов, пошла во вред и стране, и самому Хрущеву. Стали говорить, что Хрущев выступил против Сталина неожиданно для других руководителей страны и только лишь потому, что желал отомстить мертвому вождю.

Правда, Никите Сергеевичу как раз не за что было мстить вождю. Сталин посадил жену Молотова и говорил, что сам Вячеслав Михайлович ведет себя недостойно. Довел до самоубийства старшего брата Кагановича. Называл Ворошилова английским шпионом, прилюдно унижал Микояна. А Хрущев-то как раз ходил у Сталина в любимчиках.

Время от времени рассказывают, будто сын Хрущева, Леонид, военный летчик, не то попал в плен к немцам, не то убил человека, и Никита Сергеевич чуть ли не ползал на коленях, вымаливая у вождя прощение.

Ничего этого не было. Историки и сослуживцы подтверждают: Леонид Хрущев в 1943 году был сбит в воздушном бою и погиб, хотя тело его тогда не удалось найти, как и останки многих солдат и офицеров Красной армии, которые числились без вести пропавшими.

Командующий 1-й воздушной армией генерал-лейтенант Сергей Александрович Худяков написал Никите Сергеевичу: «С глубоким прискорбием сообщаю Вам печальную весть. Ваш сын, летчик 18-го гвардейского истребительного авиационного полка гвардии старший лейтенант Леонид Никитович Хрущев 11 марта 1943 г. не возвратился с боевого задания».

Два десятилетия спустя Хрущева приглашали в часть, где служил его сын, – это 18-й гвардейский истребительный авиационный Витебский дважды Краснознаменный ордена Суворова полк. В составе полка сражалась в военные годы эскадрилья французских летчиков «Нормандия – Неман».

Теперь, когда рассекречены многие документы, становится понятной драматическая история подготовки секретного антисталинского доклада на XX съезде. Он не был ни импровизацией, ни случайностью.

«Хватит ли нам мужества?»

Первые документы о механизме репрессий в стране были представлены сразу после смерти Сталина – правда, весьма узкому кругу людей, высшему слою номенклатуры. Это сделал задолго до XX съезда Лаврентий Павлович Берия.

Заняв пост министра внутренних дел, он принялся прекращать заведомо фальсифицированные дела и освобождать арестованных. В его аппарате подготовили объемистый документ в несколько десятков страниц. В нем цитировались показания следователей МГБ о том, как они сажали невинных и получали нужные показания, воспроизводились резолюции Сталина, который требовал нещадно бить арестованных.

«Членов и кандидатов в члены ЦК, – вспоминал писатель Константин Михайлович Симонov, – знакомили в Кремле, в двух или трех отведенных для этого комнатах, с документами, свидетельствующими о непосредственном участии Сталина во всей истории с «врачами-убийцами», а также с показаниями арестованного начальника следственной части Министерства государственной безопасности о его разговорах со Сталиным, о требованиях Сталина ужесточить допросы – и так далее и тому подобное. Были там показания и других лиц, всякий раз связанные непосредственно с ролью Сталина в этом деле. Были записи разговоров со Сталиным на эту же тему...

Чтение было тяжкое, записи были похожи на правду и свидетельствовали о болезненном психическом состоянии Сталина, о его подозрительности и жестокости, граничащих с психозом... Поэтому к тому нравственному удару, который я пережил во время речи Хрущева на XX съезде, я был, наверное, больше готов, чем многие другие люди».

Необходимость перемен и расчета со сталинским прошлым понимали и другие члены партийного руководства, только они медлили, трусили, боялись. Маленков, новый глава советского правительства, уже в апреле 1953 года предложил собрать пленум ЦК, чтобы осудить культ личности Сталина. Пленум не собрался. Маленков не решился первым назвать имя Сталина. Но разговор о наследстве вождя становился неизбежным.

В конце 1953-го был устроен суд над самим Берией и его подельниками. Но процесс закрыли. Лаврентия Павловича обвиняли главным образом в антипартийной деятельности и работе на британскую разведку. Но всплыли и чудовищные преступления ведомства госбезопасности. Текст обвинительного заключения по «делу Берии» отпечатали в виде брошюры и разослали по всей стране, с ним знакомили районные партийные активы, то есть достаточно широкий круг людей.

В конце 1953 года Хрущеву и Маленкову доложили следующие цифры: в 1921–1929 годах арестовали больше миллиона человек, в 1930–1936 годах – больше 2 миллионов, в 1936–1938 годах – более 1,5 миллиона (расстреляли около 700 тысяч), в 1939–1953-м – еще миллион 100 тысяч.

В 1954 году Хрущев делился с товарищами по партии:

– В последние годы товарищ Сталин страдал тяжелым заболеванием – гипертонией. Повышенное давление вызывает у людей сильную раздражительность, мнительность... Болезнь и годы не могли не сказаться на его способностях. В последние годы и ум у него уже стал не тот: как ленинградское солнце, блеснет, а потом опять в тумане. Это зависело от состояния его здоровья. Он иногда впадал в крайности: мог и похвалить, мог и арестовать человека.

5 ноября 1955 года на президиуме ЦК зашла речь о том, как отмечать день рождения Сталина. Вспыхнул спор. Руководство страны разделилось на две группы. Одна считала, что настало время рассказать правду о преступлениях. Другая всячески этому противилась.

Но после ареста Берии освобождение заключенных продолжалось. И не только по соображениям гуманности и справедливости. Советское общество было накануне социального

взрыва. Смерть обожествляемого вождя ослабила страх и породила надежды на улучшение жизни. Начались мятежи в лагерях.

В мае 1953 года в Заполярье, в Норильском лагере особого режима восстали более 20 тысяч узников. Там действовали подпольные организации, несмотря на опер-чеккистский аппарат. Заключенные протестовали против условий содержания и расстрелов заключенных, требовали приезда из Москвы правительственной комиссии. Мятеж продолжался два месяца. В начале августа его подавили силой. Но в Москве осознали, что придется ликвидировать лагерь особого режима.

«Эхом норильских событий стали восстание в Кенгире и другие лагерные волнения, – вспоминал участник восстания Лев Александрович Нетто. – Судьба нашей страны не была игрушкой в руках вождей, медленное освобождение от крайностей тоталитаризма не было даром великодушных правителей. Наша забастовка, другие лагерные выступления подорвали основу коммунистического режима – гигантскую империю ГУЛАГа. Народ начал сам свое освобождение, толкая в спину партийных реформаторов» (см. «Новая газета» от 1 декабря 2013 года).

В 1953 году восстания заключенных вспыхнули в Воркуте и Норильске, в 1954 году – в поселке Кенгир (Казахстан).

Для подавления восстаний требовались тяжелая военная техника, танки, артиллерия. А рядом с лагерями жили вчерашние зэки, недавно освобожденные, тоже небольшие поклонники советской власти. Возникла критическая масса, опасная для власти.

Негласный процесс реабилитации невинно осужденных был неминуем. Начали с тех, кого руководители страны хорошо знали, – с родственников, друзей, знакомых, бывших сослуживцев. Живых возвращали из лагерей, с убитых снимали нелепые обвинения. Оправдание одного невинного влекло за собой оправдание и его мнимых «подельников». Генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко чуть ли не каждую неделю отправлял в ЦК записку с просьбой разрешить реабилитацию того или иного крупного советского руководителя. Из информации КГБ, МВД, Комитета партийного контроля, прокуратуры складывалась чудовищная картина уничтожения невинных людей самыми мерзкими способами. Выяснялось, что заведенные госбезопасностью дела были фальсифицированы.

Создали комиссию, которая должна была представить предложения о трудовом и бытовом устройстве так называемых спецпоселенцев – в основном речь шла о целых народах, которые Сталин выселил в Сибирь и Казахстан. В спецпоселениях держали 2 с лишним миллиона человек, из них 1,5 миллиона – депортированные в годы войны чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки, крымские татары, немцы.

В комиссию вошли секретари ЦК Михаил Андреевич Суслов и Петр Николаевич Поспелов, министр юстиции Константин Петрович Горшенин и заместитель секретаря президиума Верховного совета СССР (была тогда такая должность) Александр Федорович Горкин.

Комиссия сделала первый шаг в реабилитации народов, изгнанных из родных мест:

«Многие партийные и советские органы допускают пренебрежительное отношение к работе среди спецпоселенцев, проходят мимо многочисленных фактов произвола в отношении этой части населения, ущемления законных прав спецпоселенцев, огульного политического недоверия к ним...

Считали бы необходимым поручить группе работников изучить вопрос и доложить ЦК предложения о целесообразности дальнейшего сохранения во всей полноте тех правовых ограничений в отношении спецпоселенцев – немцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков и крымских татар, которые были установлены в свое время постановлением Совета народных комиссаров от 8 января 1945 года и постановлением Совета министров от 24 ноября 1948 года.

Например, отлучка спецпоселенца без соответствующего разрешения за пределы района, обслуживаемого спецкомендатурой (иногда ограничиваемая территорией нескольких улиц в городе и сельсовета в сельских районах), рассматривается как побег и влечет за собой ответственность в уголовном порядке. Полагаем, что в настоящее время уже нет необходимости сохранять эти серьезные ограничения».

В апреле 1953-го секретную записку комиссия передала главе правительства Георгию Максимилиановичу Маленкову. Но прошел не один год, прежде чем репрессированным народам разрешили вернуться в родные места.

Какими бы циничными ни были руководители партии, они не могли совсем уж отмахнуться от этого потока разоблачений. На заседании президиума ЦК 5 ноября 1955 года возник вопрос, как отмечать очередной день рождения Сталина. Документов о сталинских преступлениях накопилось так много, что члены президиума ЦК впервые решили не проводить торжественных собраний и не славить усопшего вождя.

А через два месяца, 31 декабря, на заседании президиума ЦК новый глава правительства Николай Александрович Булганин зачитал письмо вернувшейся из лагеря старой коммунистки Ольги Григорьевны Шатуновской. И тогда в Кремле впервые прозвучал вопрос, который будет повторяться вновь и вновь.

«Как получилось в 1937–1938 годах, – писала Ольга Шатуновская, – что многие преданные партии ее члены оказались в советской тюрьме с клеймом врагов народа? И как получилось, что большинство нашего Центрального комитета, избранного XVII партсъездом, и большинство нашего руководящего партийного актива были объявлены врагами народа и уничтожены?»

Сразу возник спор об убийстве руководителя Ленинграда Сергея Мироновича Кирова в 1934 году. Его смерть стала сигналом к массовым репрессиям. Шатуновская передала рассказ бывшего начальника ленинградского управления НКВД Филиппа Демьяновича Медведа.

«По его словам, убийцу Кирова Леонида Николаева допрашивал сам Сталин, приехавший из Москвы. Сталин спросил:

– Почему вы убили Кирова?

Николаев ответил, указывая на сотрудников НКВД:

– Товарищ Сталин, это они заставили меня убить Кирова, они четыре месяца преследовали меня этим, каналы, насильовали мою волю, и вот я это сделал. Это они вложили оружие в мои руки.

Когда Николаев это сказал, его ударили наганамы по голове. Он свалился, его унесли...»

Маршал Ворошилов, не дослушав, закричал:

– Это ложь!

Молотов тоже сказал, что никаких тайн в убийстве Кирова нет, он сам присутствовал при том допросе. Но другие члены президиума ЦК говорили, что пора разобраться в истории убийства Кирова и что «чекисты приложили руку к этому делу». Утвердили комиссию, которую обязали выяснить судьбу членов ЦК, избранных на XVII съезде партии и расстрелянных Сталиным.

Эта комиссия, собственно, и вскрыла основной массив документов, свидетельствующих о масштабе репрессий в стране. Они потом перейдут в доклад Хрущева. Возглавили комиссию два секретаря ЦК – бывший главный редактор «Правды» Петр Николаевич Поспелов и Аверкий Борисович Аристов, которому еще Сталин поручил заниматься партийными кадрами и который теперь курировал органы госбезопасности.

«Поспелов, – вспоминал Хрущев, – считался близким человеком к Сталину. Он был преданнейшим Сталину человеком. Я бы сказал, более, чем рабски преданный человек. Когда мы сообщили, что Сталин умер, Поспелов буквально рыдал. Одним словом, у нас не было сомне-

ний в его хорошем отношении к Сталину, и мы считали, что это внушит доверие к материалам, которые подготовит его комиссия».

Поспелов и Аристов подняли документы госбезопасности, допросили бывших узников лагерей и бывших следователей. Они представили доклад (под грифом «совершенно секретно»), который начинался так:

«Нами изучены имеющиеся в Комитете госбезопасности архивные документы, из которых видно, что 1935–1940 годы в нашей стране являются годами массовых арестов советских граждан. За эти годы было арестовано по обвинению в антисоветской деятельности 1 920 635 человек, из них расстреляно 688 503...

Самые позорные нарушения социалистической законности, самые зверские пытки, приводившие к массовым оговорам невинных людей, дважды (в 1937 и в 1929 годах) были санкционированы И.В. Сталиным от имени ЦК ВКП(б)...

Урон, который был нанесен массовыми репрессиями военным кадрам, явился одной из причин наших неудач в финской войне, а затем неудачи подбодрили Гитлера и способствовали ускорению гитлеровского нападения на СССР...

Позорные дела, творившиеся в стенах органов НКВД, делались в угоду одному человеку, а иногда по его прямым указаниям. Вот к чему привел антимарксистский, антиленинский «культ личности», созданный безграничным восхвалением и возвеличением И.В. Сталина».

Вот разделы доклада комиссии Поспелова и Аристова: «Приказы НКВД СССР о проведении массовых репрессий», «Искусственное создание антисоветских организаций, блоков и различного рода центров», «О грубейших нарушениях законности в процессе следствия», «О «заговорах» в органах НКВД», «Нарушения законности органами прокуратуры в надзоре за следствием в НКВД», «Судебный произвол Военной коллегии Верховного суда СССР», «О внесудебном рассмотрении дел».

В докладе рассказывалось о том, что репрессивной машиной руководил сам Сталин, что признательные показания выбивались, что среди работников госбезопасности шло социалистическое соревнование: кто больше посадит.

Цитировалась докладная записка начальству чекиста, работавшего в 1938 году на Дальнем Востоке:

«Немецкая разведка. По этой линии дела у меня плохие. Правда, вскрыта одна резидентура, но немцы должны вести дела посерьезнее. Постараюсь раскопать. Финская агентура есть. Чехословацкая есть. Для полной коллекции не могу разыскать итальянца и француза. Китайцев подобрал всех. Остались только старики, хотя часть из них, семь человек, избличаются как шпионы и контрабандисты. Я думаю, не стоит на них тратить время. Уж слишком они дряхлые».

И показания начальника отдела наркомата внутренних дел Белоруссии:

«Среди следователей шло соревнование, кто больше «расколет». Избиения арестованных, пытки, доходившие до садизма, стали основными методами допроса. Считалось позорным, если у следователя нет ни одного признания в день. В наркомате был сплошной стон и крик, который можно было услышать за квартал от наркомата. Особенно отличался следственный отдел».

К докладу приложили еще три документа. Это телеграмма Сталина от 10 января 1939 года, которая подтверждала «установленную ЦК практику применения физического воздействия» (то есть разрешала пытки при допросах), справка о санкционированном Сталиным расстреле 138 руководящих работников и предсмертное письмо вождю от бывшего кандидата в члены Политбюро и наркома земледелия СССР Роберта Индриковича Эйхе.

Руководители страны прочитали семидесятистраничный доклад, и многие ужаснулись.

30 января 1956 года на заседании президиума ЦК впервые прозвучала идея отправить в лагеря комиссии, чтобы они прямо на месте начали освобождать невинных людей. 19 марта

утвердили комиссии президиума Верховного совета СССР, которым предписано было выехать в исправительно-трудовые лагеря, колонии и тюрьмы; им предоставили право освобождать «неправильно осужденных».

Но низовой партаппарат и не подозревал о готовящихся революционных переменах. В те же январские дни в ЦК поступила записка:

«Мемориальный дом-музей И.В. Сталина (дача ближняя) готов к открытию. Исправления в экспозиции в соответствии с указаниями тт. Н.С. Хрущева, Н.А. Булганина и Г.М. Маленкова сделаны. Если ЦК КПСС сочтет это целесообразным, музей можно было бы показать делегатам XX съезда КПСС, а в годовщину смерти И.В. Сталина 5 марта 1956 года открыть для всех желающих посетить его».

Но музею не суждено было открыться. На заседание президиума ЦК привели бывшего заместителя начальника следственной части МГБ по особо важным делам Бориса Вениаминовича Родоса, уже арестованного по обвинению в нарушении социалистической законности. Даже членам президиума ЦК стало не по себе от его рассказов о том, как в госбезопасности выбивались показания. Все-таки внутренняя чекистская кухня пыток и издевательств была им неизвестна. Они давали согласие на арест или вынесение смертного приговора, но не видели своими глазами, что делают с людьми, попавшими в руки чекистов.

«Докладчиком был Пospelов (он был и сейчас остается простилиниски настроенным), – рассказывал Анастас Микоян. – Факты были настолько ужасающими, что в местах очень тяжелых у него на глазах появлялись слезы и дрожь в голосе. Мы все были поражены, хотя многое мы знали, но всего того, что доложила комиссия, мы, конечно, не знали. А теперь это все было проверено и подтверждено документами».

Секретарь ЦК Аверкий Аристов первым произнес эти слова:

– Товарищ Хрущев, хватит ли у нас мужества сказать правду?

Вот тогда у Никиты Сергеевича, видимо, и зародилась идея рассказать обо всем на прилегающем съезде партии. Возразил Лазарь Моисеевич Каганович:

– Многое пересмотреть можно, но тридцать лет Сталин стоял во главе партии и народа.

Ворошилов тоже был против:

– Доля Сталина во всем этом была? Была. Мерзости много, правильно говорите, товарищ Хрущев. Но надо подумать, чтобы с водой не выплеснуть ребенка. Дело серьезное, исподволь надо.

И Молотов тоже не мог представить себе, что Сталина назовут виновным в массовых убийствах и пытках:

– Нельзя в докладе не сказать, что Сталин – великий продолжатель дела Ленина. Стою на этом. Правду, конечно, надо восстановить. Но правда состоит и в том, что под руководством Сталина победил социализм.

Ему возразил Анастас Иванович Микоян:

– Возьмите реальную историю – с ума можно сойти.

Член президиума ЦК и первый заместитель главы правительства Максим Захарович Сабуров зло ответил сомневающимся:

– Если верны приведенные здесь факты, разве это коммунизм? Это простить нельзя.

Секретарь ЦК Михаил Андреевич Суслов сформулировал общее настроение членов президиума:

– За несколько последних месяцев мы узнали ужасные вещи. Оправдать это ничем нельзя. Культ личности большой вред наносит.

Хрущев коротко подвел итог:

– Сталин – преданный делу социализма человек. Но все делал варварскими способами. Он партию уничтожил. Не марксист он. Все святое стер, что есть в человеке. Все своим капризам подчинил. Надо наметить линию и отвести Сталину его место.

Что повлияло на решение Хрущева?

Конечно же, желание освободить людей! Что бы о нем потом ни говорили, он был живым и открытым человеком, с чувствами и эмоциями. Он был наделен взрывным темпераментом, склонностью к новым, революционным идеям и готовностью, ни с кем и ни с чем не считаясь, немедленно воплощать их в жизнь. Даже его единомышленникам страшно было говорить о Сталине. А он решился.

Помимо его очевидного желания сбросить груз прошлого разоблачение сталинских преступлений играло и сугубо прагматическую роль – подрывало позиции старой гвардии: Маленкова, Молотова, Кагановича, Ворошилова, которые вместе с вождем подписывали смертные приговоры.

Почему Хрущев был так уверен, что его подписи на расстрельных списках не найдут?

Считается, что председатель КГБ Серов, человек Хрущева, всем ему обязанный, провел чистку архивов госбезопасности. Избавился от наиболее одиозных материалов, компрометирующих партию и правительство. Те, кто осенью 1954 года сидел во внутренней тюрьме КГБ на Лубянке, рассказывали потом, что нельзя было открыть окно – такой шел дым. Во дворе жгли секретные бумаги.

И вроде бы машинами вывозили документы из архива Московского горкома партии, которым прежде руководил Хрущев. Но все это предположения. Важно другое. В годы массовых репрессий он еще не вошел в число главных руководителей страны. Потом Сталин отправил его на Украину. Так что в любом случае свою подпись под позорными документами Хрущев ставил реже старших членов политбюро.

Никита Сергеевич первоначально планировал рассказать о репрессиях в отчетном докладе съезду и предоставить слово старым коммунистам, которые прошли лагеря и могли поведать делегатам, что они пережили.

К выступлению готовился Алексей Владимирович Снегов, который в тридцатые годы работал в аппарате ЦК Компартии Украины, заведовал орготделом Закавказского крайкома, был секретарем Иркутского горкома. Снегова арестовали в июле 1937 года, следствие затянулось, и худшее его миновало. Его дело передали в суд в момент ослабления репрессий. В январе 1939 года – невиданное дело! – признали невиновным и освободили из-под стражи. Но по личному указанию наркома внутренних дел Берии он был вновь арестован и сидел до 1954 года.

Никита Сергеевич сам беседовал со Снеговым и был потрясен его рассказом о том, как действовала машина репрессий. Снегов прислал Хрущеву текст своего выступления. Но от этой идеи отказались. Решили, что о сталинских преступлениях можно говорить только на закрытом заседании. Дескать, народ еще не готов все это услышать.

Принято считать, что хрущевский доклад был полной неожиданностью для руководства страны и делегатов партийного форума. На самом деле он был запланирован заранее. Все решилось 9 февраля 1956 года на заседании президиума ЦК.

Для Хрущева сомнений не было:

– Несостоятельность Сталина раскрывается как вождя. Что за вождь, если всех уничтожает? Нужно проявить мужество, сказать правду.

Радости эта перспектива у старой гвардии не вызвала. Но противостоять очевидному побаивались. С оговорками, с сомнениями, но одобрили.

– На съезде надо сказать, – согласился Молотов.

– Историю обманывать нельзя, факты не выкинешь, – философски высказался Каганович. – Правильно предложение Хрущева доклад заслушать.

– Если съезду не сказать, будут говорить, что мы трусили, – заметил Булганин.

– Сталин осатанел в борьбе с врагами, – буркнул Ворошилов, – были у него звериные замашки.

– Надо делегатам рассказать все. – Позиция Сулова была однозначной. – Говорим о коллективности руководства, а со съездом будем хитрить?

Договорились ознакомить делегатов съезда и с ленинскими документами (содержащими нелицеприятные оценки Сталина), которые три десятилетия держали под замком.

Накануне открытия XX съезда, 13 февраля, в три часа в Свердловском зале Кремля собрался пленум ЦК старого созыва. Обсуждался регламент съезда.

– Есть еще один вопрос, о котором нужно сказать, – объявил Хрущев. – Президиум Центрального Комитета после неоднократного обмена мнениями и изучения обстановки и материалов после смерти товарища Сталина считает необходимым поставить на закрытом заседании съезда доклад о культе личности. Видимо, этот доклад надо будет сделать на закрытом заседании, когда гостей не будет. Почему, товарищи, мы решили поставить этот вопрос? Сейчас все видят, чувствуют и понимают, что мы не так ставим вопрос о культе личности, как он ставился в свое время, и есть потребность получить объяснение, чем это вызывается. Нужно, чтобы делегаты съезда все-таки больше узнали и почувствовали, поняли бы больше, чем мы сейчас делаем через печать. Иначе делегаты съезда будут чувствовать себя не совсем хозяевами в партии.

Но почему все же секретный доклад был прочитан после избрания руководящих партийных органов, что считается завершением работы съезда? Обычно говорят, что Хрущев решился выступить против Сталина в последний момент, чтобы его никто не остановил. Это не так. Причина другая.

Маршал Ворошилов удрученно заметил, что после такого доклада никого из них не выберут в ЦК. Разве делегаты проголосуют за людей, которые участвовали в преступлениях против собственного народа? Члены президиума решили не рисковать: пусть сначала нас выберут, потом узнают правду. Так что сам по себе доклад вовсе не был неожиданностью. Шоком стало то, что люди узнали.

На четвертый день работы съезда Поспелов и Аристов представили Хрущеву проект выступления. Хрущеву текст не понравился – сухой, нудный, так на важнейшие темы не говорят, он вообще тяготел к живой речи, часто отрывался от текста. Никита Сергеевич вызвал стенографисток и передиктовал текст.

Обратился за помощью к секретарю ЦК по идеологии Дмитрию Трофимовичу Шепилову, самому образованному в партийном руководстве. Увидев своими глазами секретные материалы из архивов госбезопасности, Шепилов столь же искренне стал осуждать Сталина, как прежде восхищался им.

– Подходит Хрущев, – вспоминал Шепилов, – «Дмитрий Трофимович, выйдем на минутку». Пошли в кулуары, где всегда закусывали, и он говорит: поможете?

Шепилов поработал над текстом и принес новый вариант Хрущеву. Но сам понимал скромность своего вклада:

– Я не автор и не соавтор его. Когда Хрущев стал читать доклад, я улавливал только некоторые абзацы, которые я сделал, фразы... Ну, и по стилю...

Никита Сергеевич использовал то, что сделал Шепилов, кое-что взял из письма Снегова. В чем-то обострил текст, в чем-то смягчил. В докладе комиссии говорилось о том, что никакой оппозиции вообще не было – мнимые антисоветские организации, троцкистские, зиновьевские и бухаринские блоки и центры придумывала госбезопасность, арестованные признавались в чем угодно после истязаний и пыток. Вывод комиссии означал, что необходимо реабилитировать лидеров оппозиции и вообще перестать называть их врагами.

Хрущев это важнейшее положение вычеркнул. Не решился признать, что внутреннего врага вообще не существовало.

Пытаясь объяснить, как стали возможными массовые репрессии, Хрущев сделал акцент на личных качествах вождя:

– Сталин стал капризным, раздражительным, физически слабым, тогда в большей степени проявились подозрительность, болезненная мания преследования. Он чуть не в каждом видел врага. Ему следствие не нужно было, потому что человек с таким характером, с таким болезненным состоянием сам себя считал гением, сам себе навязал мысль, что он всеведущий, всезнающий и ему никакие следователи не нужны. Он сказал – и их арестовали. Он сказал надеть кандалы – так и будет. Сам вызывал следователя, сам его инструктировал, сам ему указывал методы следствия, – а методы единственные – бить.

Хрущев разослал проект доклада всей партийной верхушке. Члены президиума и секретари ЦК проект одобрили. Никита Сергеевич дорабатывал текст до последней минуты. Сохранилась обильная правка, сделанная Суловым. Поправки Хрущев учел.

23 февраля окончательный текст был готов.

24 февраля делегаты съезда выбирали членов ЦК.

25 февраля утром, на двадцатом по счету заседании съезда, председатель правительства Булганин предоставил слово Хрущеву.

«Съезд выслушал меня молча, – вспоминал Никита Сергеевич. – Как говорится, слышен был полет мухи. Всё оказалось настолько неожиданным. Нужно было, конечно, понимать, как делегаты были поражены рассказом о зверствах, которые были совершены по отношению к заслуженным людям, старым большевикам и молодежи. Сколько погибло честных людей!.. Считаю, что вопрос был поставлен абсолютно правильно и своевременно. Не только не рассказываюсь, но доволен, что правильно уловил момент и настоял, чтобы такой доклад был сделан. Ведь людей держали в тюрьмах и лагерях».

Надо заметить, что недовольство секретным докладом, разоблачением сталинских преступлений возникнет в среде партийно-государственной бюрократии позже. Тогда же, на съезде, большая часть аппарата поддержала Хрущева.

Разумеется, первые секретари обкомов не хотели либерализма в духовной жизни, побаивались послаблений в идеологической сфере. Но еще больше страшились возвращения к сталинским временам, когда никто не был гарантирован от ареста. Никита Сергеевич гарантировал аппарату стабильность и открыл молодому поколению дорогу наверх, освобождая руководящие кабинеты от прежних хозяев.

Съезд поддержал Хрущева. Его речь, вызвавшая шок, завершилась под аплодисменты. Но даже те, кто уже знакомился с документами госбезопасности, были потрясены. Люди искренние станут помощниками Хрущева в реабилитации жертв террора и очищении органов госбезопасности от людей, запятнавших себя участием в преступлениях.

«Мы тогда никак еще не могли освободиться от идеи, что Сталин – отец народа, гений и прочее, – вспоминал Хрущев. – Невозможно было сразу представить себе, что Сталин – убийца и изверг. Мы создали в пятьдесят третьем году, грубо говоря, версию о роли Берии: дескать, Берия полностью отвечает за злоупотребления, которые совершались при Сталине. Мы находились в плену этой версии, нами же созданной: не бог виноват, а угодники, которые плохо докладывали богу, а потому бог насылал град, гром и другие бедствия. Здесь не было логики, потому что Берия пришел уже после того, как главная мясорубка сделала свое дело, то есть Сталин все сделал руками Ягоды и Ежова. Не Берия создал Сталина, а Сталин создал Берию».

Председательствовавший на закрытом заседании Булганин, как и договорились заранее, предложил прений не открывать. Он зачитал короткий, всего в одну фразу проект постановления XX съезда, и добавил:

– Имеется в виду, что доклад товарища Хрущева и принятое съездом постановление «О культе личности и его последствиях» не публикуется в настоящее время, но эти материалы будут разосланы партийным организациям.

Во время выступления Никита Сергеевич отвлекался от написанного текста, импровизировал. Его речь не стенографировалась и не записывалась на магнитофон. Поэтому после съезда еще неделю шла работа над уже произнесенным докладом, он приглаживался, причисывался, обогащался цитатами из Маркса и Ленина.

1 марта был готов тот текст, который предполагали разослать по всей стране. В него включили пассажи, которые произнес Хрущев, отвлекаясь от заранее написанного доклада. А кое-что, напротив, вычеркнули.

Например, первый секретарь ЦК сказал:

– После съезда партии нам, видимо, необходимо будет пересмотреть оценку многих военных операций и дать им правильное объяснение. При этом мы увидим, сколько миллионов жизней стоило нам это руководство.

Фразу о миллионах погубленных жизней вычеркнули. Огромные потери в результате неумелого руководства войсками со стороны Сталина и его подручных руководители Министерства обороны и официальные военные историки признать не в силах.

Текст вновь раздали членам президиума и секретарям ЦК, к 5 марта все замечания были учтены. Через месяц после XX съезда, 28 марта 1956 года, в «Правде» появилась передовая статья «Почему культ личности чужд духу марксизма-ленинизма?». Центральный партийный орган впервые критиковал Сталина. И только через четыре месяца после съезда, 30 июня 1956 года, появилось руководящее постановление ЦК «О преодолении культа личности и его последствий».

Грузинский мятеж

Расставание со Сталиным было своего рода революцией, и это быстро стало очевидным. Первой после XX съезда партии забурлила Грузия, до которой донеслись разговоры о том, что Хрущев на закрытом заседании осудил Сталина.

Каждый год 5 марта в республике устраивались митинги. К памятникам Сталину возлагались цветы. Дети читали стихи об ушедшем вожде. То же самое намечалось и в пятьдесят шестом. Но в феврале прошел XX съезд. Это означало, что официальное отношение к усопшему вождю должно быть пересмотрено. Ему уже не полагались прежние почести.

Но рекомендации относительно того, как теперь быть со Сталиным, партийный аппарат выработать не успел. О выступлении Хрущева знали только делегаты съезда. Прежде чем доклад начали зачитывать во всех партийных организациях, Грузия, до которой донеслись разговоры о том, что Хрущев осудил Сталина, взбунтовалась.

7 марта 1956 года, практически в третью годовщину смерти вождя, грузинская молодежь вышла на улицы Тбилиси, Гори, Кутаиси, Сухуми и Батуми, дабы защитить имя национального героя.

«Сталинские времена, – записал в дневнике знаменитый поэт и главный редактор журнала «Новый мир» Александр Трифонович Твардовский, – были огромной компенсацией для национального самолюбия грузинских патриотов (или националистов?) за целые века исторической печали о минувшем давным-давно величии. Сразу после Сталина – настроения внезапной потери некоего первенства среди народов, а дальше и чувство вины, и опасений, и затаенной боли. И молчанка...»

В грузинской столице школьники и студенты не пошли на занятия, а несколькими колоннами – с венками, портретами вождя, флагами – прошли по улицам. В манифестациях приняло участие более 60 тысяч человек. Они требовали вывесить в городе флаги и портреты Сталина, опубликовать в республиканских газетах материалы о его жизни и деятельности.

В гостинице «Интурист» в Тбилиси находился приехавший из Пекина член политбюро и секретарь ЦК Компартии Китая Чжу Дэ. Молодежь требовала встречи с ним. Китайского гостя срочно эвакуировали на государственную дачу в Крцаниси. Но вышедшая из повиновения молодежь, захватив в городе машины, добралась до дачи, которую охраняли два взвода солдат из полка внутренних войск. Они не смогли остановить толпу, которая требовала встречи с Чжу Дэ. Китайских коммунистов считали верными продолжателями дела Сталина. Чжу Дэ пришлось выступить перед взбудораженной молодежью и отрядить китайских чиновников, чтобы они вместе со вторым секретарем ЦК Компартии Грузии Михаилом Порфирьевичем Георгадзе возложили венки к монументу Сталину.

9 марта республиканские газеты поместили статью «Третья годовщина со дня смерти И.В. Сталина». В городе вывесили государственные флаги с траурными лентами. Но было поздно. Манифестанты пытались захватить Дом связи – искали радиостудию, чтобы рассказать всей стране о происходящем в Тбилиси.

Это было первое антиправительственное выступление в стране после 1920-х годов. Первоначально в Москве намеревались квалифицировать демонстрации как контрреволюционный заговор со всеми вытекающими отсюда последствиями. Потом сообразили, что это произведет самое неблагоприятное впечатление: какая же может быть контрреволюция в стране, где давно победил социализм? Да и в Грузии политический процесс вызвал бы возмущение и еще большее отчуждение от центральной власти.

Президиум ЦК удовольствовался тем, что принял сравнительно мягкое постановление «Об ошибках и недостатках в работе Центрального комитета Коммунистической партии Грузии». Партийным органам республики предлагалось считать главной задачей «глубокое разъ-

яснение решений XX съезда КПСС, антимарксистской сущности культа личности Сталина». Идеологическому аппарату поручили «принять решительные меры по ликвидации последствий бериевщины, усилить борьбу со всякого рода проявлениями буржуазного национализма».

Забурлила не только Грузия. Комсомол доложил в ЦК, что в Литве было раскрыто 16 подпольных молодежных организаций. Если молодые грузины вступились за Сталина, молодые литовцы клялись бороться за «свободную Литву». А столичное студенчество возмутилось событиями в Венгрии. Политически активные молодые люди протестовали против подавления советскими войсками народного восстания в Будапеште.

4 ноября 1956 года президиум ЦК потребовал очистить вузы от «нездоровых элементов». Чисткой занимался КГБ. Но в ЦК ВЛКСМ считали, что молодежью должен заниматься именно комсомол, а не госбезопасность, хотя на местах, столкнувшись с самыми невинными попытками свободолюбивой молодежи выйти за тесные рамки официальной школы, райкомы и горкомы испуганно обращались к чекистам, ЦК ВЛКСМ предложил изменить порядок поступления в вузы, чтобы «пресечь проникновение случайных людей», в частности, отменить прием медалистов вне конкурса, позволить получать высшее образование только тем, кто не менее двух лет отработал на производстве, и требовать рекомендации трудовых коллективов.

В конце 1956 года комиссия ЦК КПСС подготовила закрытое письмо партийным организациям «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». Письмо стало сигналом к гонениям на свободомыслящую интеллигенцию и студенческую молодежь.

Письмо зачитали на пленуме ЦК ВЛКСМ. Секретарь ЦК комсомола Зоя Петровна Туманова, которая курировала отдел по работе со студенческой молодежью, произнесла грозную речь:

– Что касается всякого рода антисоветских и враждебных вылазок, то, видимо, здесь у пленума будет единое мнение, что их надо решительно пресекать. ЦК ВЛКСМ считает правильными действия тех комсомольских организаций, которые студентов, не оправдывающих звания советских студентов, исключают из членов ВЛКСМ и из институтов.

Зоя Петровна Туманова начинала редактором «Пионерской правды» еще в мрачные сталинские годы. Она первым делом очистила редакцию от тех, у кого были проблемы с анкетой, то есть репрессированные родственники. Литературный редактор «Пионерской правды» Лидия Корнеевна Чуковская, дочь известного писателя, человек с твердым характером, в знак протеста ушла из редакции сама. Впоследствии Туманова много лет работала первым заместителем заведующего отделом культуры ЦК КПСС.

На совещании в ЦК по школьным делам в мае 1957 года Зоя Туманова призывала дать молодежи рабочую закалку, пропускать всех через производство. Пусть работают на заводе, учатся в вечерней школе и только потом получают право на высшее образование:

– Можно привести пример с философским факультетом университета. Вот приходит семнадцатилетний мальчик после средней школы, учится пять лет и после этого он философ. Вот поэтому мы и имели неприятности на философском факультете. Этот мальчик начинает изучать Аристотеля и кончает тем, что не понимает политики нашей партии!

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Шелепин сформулировал позицию комсомольского руководства:

– Нам надо вузы очистить от антисоветских людей, от некоторых людей, которые случайно попали туда, и надо очистить комсомол. Но я прошу не понимать это как чистку. Ни в коем случае нельзя, чтобы это получилось как чистка комсомольских организаций... Нельзя не считаться с тем, что, осуществляя директивы XX съезда о социалистической законности, мы много выпустили из тюрем, даже и таких, которых, может быть, не надо было выпускать... Мы располагаем фактами, когда некоторые из них ведут вражескую работу. Тут надо быть бди-

тельными, и людей, которые будут вести антисоветскую агитацию, щадить не будем, снова в тюрьмы сажать надо.

Слова руководителя комсомола, произнесенные уже после XX съезда и хрущевского доклада, достаточно точно характеризуют отношение к процессу освобождения репрессированных при Сталине людей: вынужденный, но нежелательный шаг. Сам Александр Николаевич кровожадным не был.

– С другой стороны, – продолжал Шелепин свою речь на пленуме ЦК, – есть в вузах такие люди: ему семнадцать лет, школу закончил, пошел на первый курс, у него каша в голове, ничего не соображает. Или он послушал Би-би-си или «Голос Америки», или он прочитал газету югославскую «Борба» или какую-то польскую газету, и он начинает соображать. Я хочу привести ленинское указание: «Таким людям надо всячески помогать, относясь как можно терпимее к их ошибкам, стараясь исправлять их постепенно и преимущественно путем убеждения, а не борьбы».

Венгерские события, когда правящая партия мгновенно утратила власть, напугали и советских руководителей. 13 мая 1957 года они встречались с членами правления Союза писателей СССР. Выступил Хрущев, он говорил два часа.

«Пересказать его речь невозможно», – вспоминал Вениамин Александрович Каверин, автор знаменитого романа «Два капитана». Между бесформенными кусками не было никакой связи. Начал он с заявления, что нас много, а он один. Мы написали много книг, но он не читал, потому что, «если бы он стал их читать, его бы выгнали из Центрального комитета». Рассказал, что приказал Жукову покончить с венгерскими мятежниками в три дня, а Жуков покончил в два. Вот здесь он и перешел к разговору о том, что некоторые писатели у нас, подражая венграм, попытались «подбить ноги» советской литературе. Как ни бессвязна была речь Хрущева, смысл ее был совершенно ясен. «Совершенно правильно, по-государственному, поступили те, кто ударил их по рукам». Пахло арестами, тем более что Хрущев сказал: «Мятежа в Венгрии не было бы, если бы своевременно посадили двух-трех горлопанов».

Стоит ли удивляться, что при таких настроениях чистка органов после XX съезда не удалась.

В Донецкой области комиссию по пересмотру дел возглавил секретарь обкома Александр Павлович Ляшко. Он считал необходимым провести открытые судебные процессы над виновниками массовых репрессий.

«Ко мне пришел один посетитель, – рассказывал Ляшко. – Он от звонка до звонка отсидел восемнадцать лет. Его, обвиняемого в участии в правотроцкистской организации, на допросе жестоко избивали. Он сказал: «Я встретил своего палача, избивавшего меня резиновой дубинкой». И назвал фамилию.

Явившийся по моему вызову сотрудник госбезопасности рассказывал, что их группа, позже откомандированная на Северный Кавказ, получила задание уничтожить 2 тысячи врагов народа. «Двое держали жертву за руки, а третий набрасывал на шею петлю». – «Уходите немедленно!» – Мне показалось, что в глазах рассказчика мелькнуло безумие. «Я не душил. Я только держал».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.